

ЗЛОЙ ЯЗЫК

Но у искусства злой язык — шершавый,
Раздвоенный, бессовестный, больной...
Прямая речь не может быть прямой —
Извилисты пути такой забавы,
А отступить и поздно, и нельзя...
Такая уж коварная стезя.

Се — Имярек. Он горд и счастлив тем,
Что одержим горючим и пьянящим.
Он прошлым, будущим и настоящим
Шуршит. Тасует множество морфем,
Сдает и... Просыпается.
Зачем?
Как утверждают, человек — письмо.
Я не согласна — хуже. По привычке
Я смахиваю пыль: бюро, трюмо...
«Из всех искусств нам, — что-то там, — кино», —
Мы произносим. И берем в кавычки
(Не слишком дорого, достаточно темно).

О, вдохновение! О, мука! О, тоска!
О, небо! О, дурная бесконечность!
О, эта левая нога! О, эта правая нога!
О, неизбежность!
О, беспечность!

В ЗИМНЕМ ГОРОДЕ

В зимнем городе снег
Разделил нас на черных и белых,
На пушистых и голых,
Немых и восторженно-смелых,
На гриппозно-морозных,
На лыжно-коньковых и квелых,
Спиртуозно-веселых
И так — беспричинно-веселых,

Татьяна Александровна Шепелева родилась в 1968 году в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета, работает в Областной юношеской библиотеке им. В. М. Кубанева, заведует сектором внедрения новых информационных технологий. Публиковалась в региональной печати, коллективных сборниках, университетских альманахах ВГУ и ВГПУ. Автор двух книг стихотворений. Живет в Воронеже.

Беззаботно-скользящих,
Смеющихся, плачущих, спящих,
Барабанно-стучащих,
Хрустящих,
Зубами скрипящих,
Тех, кто падает,
Мерзнет,
Взлетает, и вьется,
И бьется...
«Огонька не найдется?»...
Конечно, найдется. Найдется.

НА ХОД НОГИ

Теперь последнюю, давай — «на ход ноги»,
Прощаться больно, но реветь не буду.
Мне на пороге что-нибудь солги...

Я дверь закрою, вымою посуду —
Две стопки, две тарелки, вилки две...
Вот так всегда — на выход, да с вещами.
Сесть, покурить... Соломенной вдове
Не так-то просто жить без обещаний.

И будет ночь, железная кровать,
Все повторится... Простыни в горошек...
И будет снова за окном сиять
Луны начищенный,
Округлый
Медный
Грошик.

ОБЫДЕННОЕ

Неделя выдалась ленивой и скупой,
Протяжной, словно песнь болотной птицы;
Часы тик-такали, скрипели половицы,
Стучали клавиши... «Ну, шевелись, тупой!»

На паутинках узелков не счесть —
Модельки новостных чересполосиц.
А паучка назвали сенокосец,
За что такое прозвище? Бог весть.

Вода из крана капала в стакан,
Бубнил тихонько пресловутый ящик...
Пусть растворимый, пусть ненастоящий,
Но все же что-то...
В Чили ураган...

Последние сто жизней мне везло.
Жужжала муха, билась о стекло,
Перегорела лампочка в подъезде...

Опять всю жизнь мы прожили не вместе.

ВРАЧБОГ

Время изношенных рук и изогнутых спин...

А. Ряскин

На изношенных сердцах — по рубцу;
И мозоли, и мозги — все не в счет.
Буйну голову сложить молодцу,
А повинную — и меч не сечет.

Пить за здоровье сплошной витамин
Не грешно ли? Да повадки не те;
За изогнутыми спинами — сплин,
За горбатыми — по гроб в хомуте.

Костылями обнуляя итог,
Я сумею перемножить нули.
Исцели меня, великий Врачбог,
Навсегда меня, навек исцели.

Из палаты и в палату не раз,
Не болит — уже и то благодать.
Дай нам всем... А ведь и всем-то не даст...
Все одно тебе, Врачбог, — исполать!

ЭПИСТОЛЯРНОЕ

А может, и правда, разбиться,
Как лодка о кафельный быт?..
Любовь ничего не боится —
Кастрюли, блины, профицит.
Такое нелегкое дело —
«Белить своего потолка»,
До блеска, до писка, до мела,
Как пальцем крутить у виска.
Проснуться? Вернуться? О, Боже!
Куда там! Зови — не зови!
Что пишут? Все то же, все то же —
О чистой и верной любви,
О мире, что вечно распорот,
А лучше бы, больше о нем —
О «вороне-ежике» — город,
Где есть такой «улицадом»...

У осени шапочка лисья,
А время идет и идет,
И скоро осыплются листья,
А там и опять Новый год...
Здесь рощи, и кущи, и тыщи,
И вещи, и мороси, и...
Здесь белый брутальный котище
Обходит владенья свои,
По-прежнему машут и пляшут,
По-прежнему сеют и жнут,
А те, кто и нашим, и вашим,
По-прежнему ждут и не ждут.
Здесь линии ливней и будней,
Асфальтовый «шиношуршат»,
И как-то не стало безлюдней —
Все так же визжат, дребезжат...
Не то чтобы четко и внятно,
Но вроде никто не забыт...
Письмо? Пустячок, но приятно,
А город поймет и простит.

МАДАМ БИЖУ

...Что мы такое?
То-то и оно.
Обидно, а когда-то так мечталось...
Еще чуть-чуть! И ах, какая жалость,
Что впереди досадно и темно,
И позади ни капли не осталось.

Лишь был бы хлеб да теплое жильё...

Ни слова больше!
...Точка, точка, точка...
И я — не я — всего лишь оболочка,
И ты — воображение мое.

Ланфрен — ланфра... березовые почки,
Безденежье, бронхит и камень в почке...

Ни слова больше! Ты заткнешься, мать?!
Что мы такое?
Господи, опять!..

Светает. У соседей конский топ
И запах браги.
«Мишенька простужен!» —
«А что, на завтрак то же, что на ужин?» —

«Не ресторан!» —
«Смотри, Маринка, — клоп!»
Прошло полжизни...
«Мойся, остолоп!» ...
...Прошло полжизни, словно утекло,
Потом еще чуть-чуть, еще немного,
Контентом обросла моя берлога,
Что мы такое, как не барахло?

Обыденность, обыденность, mon cher,
Клубки и кошки, вилки и кастрюли...
Опять же, звон посуды, например.
Зачем нам этот мир, не потому ли,
Что легче отпереться, чем признать? —
Раскаянье виновно, так сказать.
Что мы такое? Grande illusion?
Зерно абсурда, снегопад в июле?

За окнами светло,
Мне снится сон —
Мадам Бижу, сидящая на стуле.